

В.М.Белокурский

**Проблема соотношения традиционного
и современного в контексте национальной культуры**

*В.М.Белокурский, кандидат философских наук,
доцент Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Сегодня все более очевидным становится тот факт, что взаимовлияние культур и экономики в условиях глобальной интенсификации связей имеет сложный, неоднозначный характер. Достаточно длительное время альтернативой ему была эволюционистская шкала линейного прогресса – мифа, получившего философское обоснование еще в трудах И.Канта и Г.Гегеля. На этой основе в западной социологии сформировалась и овладела умами многих ученых идея модернизации, в соответствии с которой имеется возможность “прогрессивного” преобразования любого общества через включение его в технико-экономические детерминанты западного мира. Однако принудительные методы “аккультурации”, осуществленные Западом в так называемых традиционных обществах, вызвали обратную реакцию. Она проявилась в национально-возрожденческих движениях, отстаивающих культурную самобытность и уникальность своего собственного развития. Исследования философов, культурологов, этнографов и, конечно же, достижения обществ, сумевших добиться значительных технических успехов, не нарушая своих исторических традиций, обусловили кризис идеи “модернизации”. Феномен японского (южнокорейского, тайваньского и др.) “чуда” продемонстрировал значительную гибкость традиции, ее неотделимость от механизмов новационных изменений.

Проблема соотношения традиционного и современного чрезвычайно сложна и обширна. Она выдвигается сегодня в разряд первостепенных и требует специального рассмотрения, предполагающего осмысление огромного массива данных социологии, истории, этнопсихологии, экономики, этнографии и т.д. Нелинейность развития и многообразие переходных форм совершенно меняют способ рассмотрения общества, предполагают отказ от ошибочного уподобления культурной традиции инерционной системе. Современное общество и его традиции представляют собой открытые системы вследствие усиления межкультурных взаимодействий и ускорения социальных изменений. Неравномерность, нелинейность, “плюральность” современных переходных состояний социальных систем предполагают наличие в их структурах новационных элементов, разноуровневых, разнопорядковых их сочетаний. И именно многообразие этих форм увеличивает скорость развития, ведет к “порядку из хаоса” (И.Пригожин). Вместе с тем следует отметить, что иногда внешние детерминанты могут поставить культуру на грань выживания, в чем нетрудно убедиться на современных примерах. Но именно культура являлась всегда определяющим “условием нашего включения в непрерывное поле значений и смыслов” (М.Мамардашвили) и одновременно структуризации личности посредством этих значений и смыслов. Философское постижение социокультурных императивов деятельности и развития личности, а также выяснение их влияния на формирование нового мышления в условиях переходного состояния социума приобретают, таким образом, особую актуальность. Теоретическое обоснование и практическое решение проблемы культуры, формирование человеческих качеств стали в настоящее время той доминантой, которая должна определить не только наиболее эффективную

модель экономики, но и дальнейшие пути развития всего общества в целом. Это, в свою очередь, требует глубокого анализа традиции “духовности” – уникальной способности поколений создавать новые смыслы через сохранение прошлого опыта и культуры, через умение поставить себя во всесвязь времен, через преемственность и живое единство, благодаря “усилию человека быть” (М.Мамардашвили).

Культура, как известно, принадлежит к классу тех общественных явлений, сущность которых трудно выразить в каких-то определенных, жестко фиксируемых, чувственно воспринимаемых формах. Она не есть нечто конкретное, что можно выделить, проводя четкий водораздел между нею и всем тем, что культурой не является. Поэтому сущность культуры может быть раскрыта только в ходе анализа, включающего процесс ее возникновения, функционирования и развития в непрерывном единстве с человеком. При таком подходе взаимодействие личности и культуры предстает как часть целого, как один из узлов в единой сети социальных отношений, той реальности, в которой действующая личность получает или не получает возможность реализовать свою собственную сущность, породить и воспроизводить систему отношений через свой труд, свои поступки, способы общения с другими. Культура не имеет отдельного от личности существования. Она выступает как способ движения личности в социальном пространстве. В понимании сути культуры, ее тесного сопряжения с личностью, а также экономикой убедительным примером являются те годы, когда социальные процессы в нашем обществе утратили свою динамичность, застыли в неизменных формах, отлитых в соответствии с административно-бюрократическими установками. Возникла ситуация, когда стало казаться, что социальные организации и отношения функционируют по

каким-то своим законам, весьма далеким от интересов и запросов реальных людей.

Как известно, основой формирования и развития культуры, ее субстанцией является деятельность. Анализ же последней предполагает необходимость учета трех типов обусловленности: природой, социальностью и культурой. В процессе деятельности люди накапливают умения, знания, жизненный опыт. Социализация индивида предполагает освоение этого накопленного социумом богатства. В ходе освоения и приумножения культуры как средства у людей формируется второй ее пласт – культура как способ самосознания, самореализации, формирования высших ценностей и идеалов. Здесь образуются представления о должном как о способе бытия, о ценностях и идеалах, наиболее адекватных осознаваемой в данной культуре человеческой сущности. В свою очередь, представления о должном воздействуют на формирование, постановку и реализацию человеческих ценностей. Сегодня именно они в зависимости от того, в какой мере субъект ими проникся, определяют его выбор среди реальных или кажущихся таковыми возможностей.

Культура, таким образом, – это исторически выработанные способы деятельности социума и продукты данной деятельности, обладающие позитивно-ценностной значимостью для его развития. В отложившихся в культурном слое способах деятельности отражены объективные свойства, связи и законы окружающего мира в их заданности человеку в плоскости целеполагающего взаимодействия с ними. Эти объективные свойства, причины, законы, воплощаясь в способах деятельности конкретного социума путем накопления и отбора опыта, создают уникальный и неповторимый “рисунок” его родной культуры, закрепленный знаком – “социальным геном” внебиологического наследования. Однако накопленная в

предметных формах и закрепленная в знаке культура имеет специфическую особенность – она есть и ее как бы нет. Это связано с тем, что вне живой деятельности предметные формообразования утрачивают свое человеческое значение и превращаются в “голую” вещественность, подпадающую под закономерности природного круговорота веществ. Поэтому культурное богатство, накопленное конкретным социумом в предметной форме, не может само по себе служить гарантией процветания его будущих поколений. Если общество по тем или иным причинам не стимулирует соответствующее отношение к культуре, если индивиды не овладевают всем спектром выработанных до них видов и способов деятельности, не развивают их или овладевают ими одномерно, общество культурно нищает, теряя свои жизненные силы. Поскольку у человека не сформированы или недоразвиты социально-культурные качества, нет соответствующих потребностей, нет сознательной установки на освоение культурно-воспитующих факторов, последние остаются внешними и бездейственными по отношению к нему. Отметим также, что человек не может быть просто объектом воздействия воспитующих факторов, он должен выступать субъектом саморазвития. Сегодня для значительной части индивидов данная задача является еще достаточно трудной.

С точки зрения развития человеческой деятельности важно подчеркнуть, что в современном обществе все чаще заявляют о себе антикультурно-тормозящие силы. Отсюда следует, что культура как духовная ориентация человека на реализацию своей родовой сущности заявляет о себе в нынешнем социуме через противостояние, противоборство с антикультурой. В данном контексте культура может быть адекватно реализована только как историческое преобладание высших духовных ориентаций, тех, которые выражают самую глубинную сущность человека и социума.

К этим высшим ориентирам, или, точнее, императивам культуры, принадлежит родной язык как “генетическая” память и “дом бытия” (М.Хайдеггер). Практика свидетельствует о том, что индивид, лишенный родного языка, не может подняться до уровня субъекта собственного культурного развития. В значительной степени это относится и к социуму в целом, поскольку в родном языке конкретного социума “проговаривается” культурное наследование. Язык как носитель смысла, как основа наиболее адекватного его выражения в процессе наследования определяет длящийся континуум человеческой деятельности через восхождение от единичных актов к всеобщему посредством трансляции социальности. Эта сумма содержащейся в языке социальности составляет содержание социальной памяти. Последняя как обобщенный коллективный опыт, наиндивидуальная информационная система представляет собой хранилище традиций, “немых привычек мысли” (М.Фуко) – основу возобновляемых процессов, их актуализации и опредмечивания. Сохраненная и выраженная в языке культурная традиция предстает как ценностная и избирательная ретроспектива человеческого опыта, содержательно “профильтрованного” поколениями, аккумулирующая ценностно значимые регулятивы для настоящего и исходная модель деятельности, обращенная в будущее.

Отмеченное выше тесным образом связано с другой социокультурной доминантой – национальным самосознанием. Его формирование, начавшись в эпоху белорусского возрождения, через некоторое время в силу внешних причин было искусственно прервано. Порожденная этим ситуация “дремотности духа” негативным образом сказалась на развитии социума, перманентно порождая у ряда поколений рефлекс боязни, послушания и

конформизма. Этот рефлекс отдельными исследователями был истолкован как толерантность белоруса. Таким образом, из исторического бессилия индивида, никогда не становившегося субъектом своей собственной судьбы, соткался привлекательный миф о его “чистейших” достоинствах, якобы дающих надежду на успех в решении вставших сегодня задач. Авторами подобных мифов упускается также из виду тот факт, что длившаяся сотни лет зависимость от пана, затем барина, властей и, наконец, партийных чиновников вместе с общинной уравнилельностью формировали у индивидов иждивенческо-люмпенские тенденции, стремление жить за чужой счет. А это, в свою очередь, деструктивным образом отражалось на моральных нормах и трудовой этике всего социума.

Известно, что придать форму мягкой и податливой глине сможет любой ремесленник, которому в то же время не по силам огранка твердого кристалла, превращающего последний в драгоценный бриллиант. Поэтому в расхожих суждениях о толерантности содержится элемент оправдания “ремесленничества”, как, впрочем, и элемент идеологического оправдания политики “твердой руки” в отношении “социальной глины”. Все это “избавляет” нас от необходимости выявления подлинно “болевого точки” пересечения экономической и социокультурной проблем с последующим ее “лечением”.

Академик Д.С.Лихачев подчеркивал, что народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. Мерить культуру мы должны по ее высочайшим достижениям. Подобно вершинам гор, они возвышаются над веками, создавая “горный хребет культуры”. Последний в нашем обществе волею исторических обстоятельств испытал глубокий “тектонический разлом”. Это привело социум к утрате “связи времен”, все еще не восстановленной полностью.

Между тем мировая история показывает, что объединение общества и его рывок вперед всегда требовали наличия такой связи. Подобный рывок – прежде всего глубокий нравственный акт, определяемый каким-то важным жизненным замыслом, требующим не только всеобщего участия его членов, но и того, что называется “порывом духа”. Именно благодаря этому порыву замысел перерастает в некий стратегический проект совместной жизни людей. Для большинства членов того или иного социума он становится своеобразным принципом, преобразуясь в особое чувство, присущее только им. Известно, что в развитии народов и цивилизаций очень важная роль принадлежала таким основополагающим идеям. Средние века, например, жили религиозной идеей. Эпоха Возрождения – идеей Античности и т.д. Для народов всегда был страшен тот час, когда старые идеи рушились, а новые не родились. В данной связи актуальным становится вопрос: способно ли современное общество придать экономическим целям статус стратегической идеи? Подобные идеи были в свое время реализованы в Японии и Западной Германии, где экономический рывок рассматривался как реабилитация за поражение в войне и средство восстановления национального величия.

Реальная жизнь все убедительнее напоминает нам сегодня, что экономическое творчество “само по себе” является мифом. К тому же нынешние экономисты разобщены профессионально, идейно, теоретически и, наконец, методологически. Экономике невозможно представить в отрыве от конкретного социума, его культуры. Экономическое благополучие общества – это следствие культуры (в самом широком смысле этого слова) тех, кто в нем жил и живет. Иными словами, экономика способна активно функционировать и развиваться лишь при нравственной культурной готовности общества. Причем для

жизненного уровня народа наличие культурных основ рыночной экономики даже важнее, чем наличие самого рынка. К.А.Сен-Симон в свое время глубоко заметил, что “нации могут жить двояко – либо воруя, либо производя”. Народ, в культуре которого выработано отношение к труду как долгу перед семьей, обществом, Богом, а не только способу зарабатывания денег, у которого есть представление о некоем обязательном уровне труда, ниже которого опускаться нельзя, может решить любые задачи, встающие перед ним. Трудовая этика данного народа закрепляется в комплексе моральных ценностей и норм, выработанных предыдущими поколениями, архетипах культуры и находит свое выражение в поведении человека. Она входит составной частью в социально-экономический “генотип” общества, который образует механизм социального наследования.

Каково же будущее нашего молодого суверенного государства и его экономики в новом постиндустриальном мире? Известно, что всегда в переломные моменты истории перспективой дальнейшего развития обладали те, кто оказывался в более благоприятных условиях. В прежние времена данный принцип срабатывал в силу естественных механизмов самоорганизации. На него уходили целые века. Сегодня для этого у нашего общества просто нет времени. Однако еще рано склонять голову, покорно соглашаясь с мрачным пророчеством шекспировского героя: “Вы можете любить лишь то, чего не было, но что могло бы быть...”. В сложившихся условиях решающее значение должны сыграть возрождающийся дух народа, его культура, сопрягаемые с нравственным началом и трудовой этикой.